

ГЛАВА 1

ПРЕДАЛ ЛИ ПРЕДАТЕЛЬ

РЕДЖИС

Лучше бы он умер той злосчастной ночью вместо Эбель, чем попал в эту академию. Ад был не под землей, а здесь. В лесах города Санди. В старом заброшенном соборе. В комнате Ноа. На долбанных парах. На скурском кладбище. И рядом с ней.

Ад был там, где была Эбель Барнс.

Она была проблемой. Одной большой, нет, гигантской проблемой. И Реджис понял, что избежать ее не получится, ровно тогда, когда в свой первый учебный день нашел ее в трапезной и ее голубые глаза впились в его медово-зеленые. В тот момент Реджис подумал, что умер. Иначе почему он стал видеть мертвецов?

Реджис всю жизнь испытывал чувство вины: во всех грехах, во всех бедах был виноват он — отец не раз

повторял это. Да и сам Реджис это прекрасно знал. Его не надо было тыкать носом в смерть брата и матери. И не надо было напоминать о смерти Эбель. Но Барнс, будто издеваясь над ним, являлась к нему сама каждый гребанный день.

Предыдущей ночью Реджис под храп Ноа и писк летучих мышей, сидя на скрипучем подоконнике, смотрел в окно на Дебору Вуд — та выводила с кладбища ученицу. В темноте он не узнал в ней Эбель, просто решил, что это новенькая, которую за каким-то грехом занесло на кладбище. Узнала ли она сама Реджиса? Вспомнила ли все то, что пережила вместе с ним? Реджис надеялся выяснить это как можно скорее.

Первый шанс ему выпал на занятии по шифрологии. Барнс казалась спокойной, будто не она недавно поднялась из могилы. Ее новая подруга и соседка по комнате Соль шутила, Эбель смеялась, переглядывалась с преподавателем. И ни разу не посмотрела на Реджиса, в то время как он не сводил с нее глаз.

Он все еще не верил, что та, кого похоронили на скупском кладбище, сейчас сидит прямо перед ним.

Реджис чувствовал во всем происходящем подвох. Тайну, что своим куполом накрыла собор, стоило двум новеньким появиться в академии. Но тогда его волновала лишь Эбель Барнс. И пустая могила, которую он направился изучать на следующий же день, да. Он возомнил себя хреновым криминалистом, что ищет улики. Копом, которому дадут повышение за раскрытое дело. Если бы жизнь Реджиса сложилась по-другому, он явно бы преуспел в детективном деле: ему удалось подслушать разговор зрителя кладбища, мистера Пирсона, со своим сыном. Узнать о каком-то странном мужике, привезшем труп на кладбище. Засвидетельствовать обещание мистера Пирсона защитить Бенни, который так боялся

вернуться, и... И понять, что Эбель грозит опасность. Ведь мистер Пирсон хотел ее убить.

Эбель спасла Дебора Вуд. Но вот Датча Пирсона спасти было некому... Дьявол, оберегающий скур, в конце концов пришел и за ним.

Пока Эдвин устраивал вечеринку в честь новенького, тот самый новенький рылся у пустой ямы. Искал... Да черт его знает, что он искал. И зачем. Зачем Реджис вообще вязался в это? Зачем копал пальцами землю, рассматривал следы от ботинок, вглядывался в вырезанное на кресте, теперь запретное для него, имя? И зачем косился на пустой гроб из орешника? Кровь стыла в жилах, стоило представить Эбель, лежащую в нем. Закрытую исцарапанной изнутри крышкой. Погребенную заживо под толщей могильной земли. Реджис дернул торчащую из рыхлой земли проволоку, но та была переломлена — колокольчик не зазвенел.

В этом чертовом гробу должен был лежать Реджис. Причем давно. Впрочем, неважно... Он жив. И теперь ему нужно доказать дьяволу, что жив он не просто так.

На следующий день Реджис вновь увидел Эбель в трапезной. Она под села к нему за стол и представилась. Так, будто никогда этого прежде не делала. Словно видела его в первый раз. Спросила его имя. Если до этого Реджис думал, что Эбель делает вид, будто они незнакомы, то ее невинные глаза и голос, налитанный искренним интересом, разрушили все, что он успел себе нафантазировать. Да, Реджис соврал бы, если бы сказал, что не почувствовал облегчения. На самом деле амнезия Эбель все для него упростила. Будто кто-то специально стер ей память о том ужасе, что он с ней сотворил. Они стали незнакомцами. Чужаками, у которых появился второй шанс. Но как же, черт возьми, было больно осознавать, что она... что Эбель Барнс больше не принадлежит ему. Реджису Фобсу, чей мир снова рухнул.

Он не знал, что ему делать. Как вести себя с ней. Как вести себя вообще. Все было чертовски запутанно. Нити сомнений оплетали Реджиса, затягивались на его шее, душили. Он никогда не чувствовал себя настолько потерянным. Насколько пустым. И настолько одиноким. И пусть бы еще сто раз он подумал о смерти, этого все равно было бы недостаточно, чтобы описать всю тяжесть груза, свалившегося на него откуда-то с неба. Наверное, сам Бог издевался над ненавистным исключительным, решив преподать ему урок. И — Реджис готов был поклясться — это шоу забавляло всемогущего до одури.

Привести мысли в порядок было крайне сложно. Разобраться в запылившихся полках собственного разума, запрятать бурные чувства в самую дальнюю комнату, запереть на ключ, выкинуть его к чертовой матери и больше никогда не находить. Включить свет в темных уголках своей души. Вновь завести уже давно не бьющееся сердце. Это была тяжелая работа. Титанический труд*. Но Реджису была необходима перезагрузка. Очистка. Ему надо было подготовиться, прежде чем окунуться в пучину чужих тайн. А нырять в эту холодную воду нужно было как можно скорее.

И все из-за Ноа. Дебила. Кретина. Тупицы. Называйте как хотите, ведь любое оскорбление, касающееся его умственных способностей, будет правдивым. Только он мог додуматься до того, чтобы обсуждать какие-то шифры, ритуалку и послания убийцы в коридоре академии прямо во время урока. Да, он не мог знать, что за углом на подоконнике будет сидеть прогуливающий пары Реджис. Но умнее Ноа Эдвин от этого не становился. Зато Реджис узнал, что в Санди был найден труп и дело явно

* Описывать твои чувства, Реджис Фобс, вот что титанический труд... *Здесь и далее примечания автора.*

особой важности, раз коп обратился за помощью к криптографу. Который, кстати, тоже не отличался сообразительностью.

Грустно было слышать, как самодостаточный профессор идет на поводу у манипулирующего его чувствами студента. Единственное, о чем Реджис думал в тот момент: смерть Эбель *не должна* быть связана с каким-то странным трупом в Санди. Но, похоже, связь все-таки была.

Через пару дней, утром, после того как Эдвин полночи выносил Реджису мозг, доказывая, что этот год обещает быть интересным, на кладбище нашли нового мертвеца. Датч Пирсон был похоронен заживо. Его закопали в могиле, раньше принадлежавшей Эбель. Убийца добрался до невинного (с чем Реджис мог поспорить) старика и замучил до смерти. Тот даже не был скурой. Но забытое Богом кладбище приняло и его. Мертвого Пирсона нашел его сын. Точнее, он нашел его торчащую из земли руку, в которой была зажата старая испачканная Библия. И все бы ничего, если бы не одно но. Одно огромное, гигантское, размером с самомнение Эдвина, но*.

Спустя пару дней заточения в одной комнате с Ноа, в день, когда их выпустили после «карантина», Реджис вновь увидел Эбель, идущую с кладбища прямо во время занятий.

— Что там, Фобс? — спросила его мисс Вуд.

Она тренировала особо опасных в одном из пустых кабинетов. Эрик с Йонни этим безмерно гордились, считая, что именно частные уроки делают их избранными. С чем Реджис, конечно же, согласиться не мог.

— Ничего. — Реджис заслонил окно спиной, чтобы директор ненароком не увидела прогуливающую пары ученицу. — Там ничего.

* Ну сколько можно обижать этого сладкого мальчика?

— Тогда покажите мне ваш доклад о мерах предосторожности, которые обезопасят вас и окружающих от вашего дара, — скомандовала Дебора Вуд и сразу же получила написанную от руки работу.

Реджис был ответственным студентом. Это явно вызывало недовольство Эрика — тот цокнул на весь кабинет. И радовало Йонни — он ободряюще кивнул.

Казалось бы, нет ничего удивительного в том, что Эбель прогуливается по кладбищу как у себя дома. Она ходила туда так часто, что можно было подумать: либо она хранит там все свое золото, либо она вампир, который каждую ночь вынужден прятаться от обычных смертных в гробу.

Неудивительным было и то, что после пар Реджис столкнулся с Эбель в главном зале. В академии училось совсем мало студентов. Но любопытных глаз, казалось, в тот момент было в разы больше. Наверное, всему виной стали лики святых, осуждающе смотревших на скур с витража. Хренов Эрик не смог не съязвить по этому поводу. Ублюдок. Хорошо, что Эбель тоже считала его таковым и со спокойной душой послала его куда подальше. Но видимо, Эрику к «ублюдку» надо было приписать на лбу еще и «тупоголовый», чтобы всем стало ясно, что этот богатенький маменькин сынок захочет поиграть с новой игрушкой.

Реджис не мог этого допустить. Он держал себя в руках, пока гнев раскаленным обручем стискивал голову, разливался по венам, струился к покрасневшим кулакам. Эрику повезло, что Реджис не захотел об него мараться. Не тогда, когда Эбель нуждалась в нем. Реджис знал, что она против насилия. Но и падать в ее глазах второй раз тоже не хотелось, поэтому, схватив Эбель за рукав, он молча вывел ее из главного зала. Он ждал от Эбель чего угодно, но не: «Мне нужно поговорить с сыном смотрителя кладбища. А говорить он будет только с тобой. Сходим вместе?»

Твою мать, Бель...

То есть после всего, что произошло... После твоей смерти. Моих адских страданий. Головной боли каждый чертов день. После твоего: «Привет. Я Эбель Барнс, а тебя как зовут?» Ты, черт возьми, приходишь ко мне и говоришь это?.. ЭТО?! Ты просто убиваешь меня... Медленно и мучительно. Вырываешь мне сердце своими вечно холодными пальцами. Очевидно, ты восстала из мертвых, чтобы свести меня с ума. Проклятая Эбель Барнс...

Реджису ничего не оставалось, кроме как согласиться и помочь ей.

Слабак.

Чертов слабак...

Каждым своим действием он закапывал себя все глубже. Все становилось только хуже, стоило ему открыть рот. Все усложнялось, когда он шел на поводу у любопытства. Но сейчас он не видел для себя четкого пути. Он блуждал в густом тумане и, как мотылек, летел на робкий свет. Пусть этот свет и сигналил ему из самой преисподней. Этот же свет привел Реджиса в сторожку смотрителя кладбища. К здоровяку Бенджамину, что по сей день оплакивал почившего отца. Это, кстати, совсем не волновало Эбель.

Она всегда была такой. Если ставила перед собой цель, то добивалась ее несмотря ни на что. Этим она Реджису и нравилась. Полная его противоположность, она без страха воплощала в жизнь все то, о чем Реджис мог только мечтать. И сейчас ее любопытные глаза шарили по обшарпанной сторожке, пока Бенни без раздумий закидывал Эбель новыми уликами.

Так глупый сорокалетний ребенок совершил огромную ошибку. Он пустил Реджиса и Эбель под купол. Тот самый таинственный купол, накрывший учеников и саму академию. Бенни дал ей Библию отца. Сказал, что ему она не помогла, но может помочь Эбель, а потом... Потом здоровяк

взял в руки карандаш и начертил круг и шестиконечную звезду со странным символом внутри.

И тогда Реджис понял, что Библия понадобится не Эбель, а ему.

Твою хренову мать...

Колени подкосились, но Реджис ухватился за спинку стула.

Твою. Хренову. Мать!

В него будто выстрелили из звуковой пушки. Закидали световыми гранатами. Тонкий свист пробил голову насквозь, перед глазами замелькали вспышки.

— У п-п-папы было т-т-тут, — Реджису пришлось как следует проморгаться, чтобы понять, куда указывает Бенни, — тот указывал на свою грудь, — все в к-к-крови.

Вот дерьмо...

Реджис громко сглотнул и посмотрел на Эбель. Она хмурилась, рассматривая рисунок и накручивая на палец локон. Эбель думала. Вела собственное расследование. Вспоминала. Анализировала.

— Ух-х-ходи, — почти рыдая, выпалил в ее адрес Бенни.

Слава богу (хотя... пошел бы он к черту!) появился хоть какой-то предлог, чтобы выставить Эбель за дверь. Потому что внутри Реджиса разгоралась ярость, жгучая, как огонь в дьявольском котле. Она накрывала его с головой и забирала воздух из легких. Реджису тяжело было справиться с гневом. Гнев дурманил голову, автоматически переключая все тело в режим уничтожения*. Себя. И всего вокруг.

— Проваливай, Барнс, — со злостью процедил Реджис. Челюсть свело от боли.

— Больше не приходи сюда. — Он вытолкнул ее на улицу. — И держись от меня подальше.

* Робот-убийца...

Реджис с грохотом захлопнул дверь прямо перед носом Эбель — с полки на стене упала лампадка. Запах ладана разлился по комнате, и Реджис, медленно вздохнув, попытался успокоиться. Все пошло коту под хвост. Точнее, ни черта никуда не пошло, потому что ни черта и не было. Реджис просто хотел спасти Эбель. Оградить ее от всего. Не дать вспомнить. Не дать опять... умереть. Но в дрянной сторожке на дрянном скурском кладбище он понял, что бессилён. Смерть шла за ним по пятам, только эта старуха с косой была либо слепой, либо тупой. Она забирала в свои объятия всех, кроме Реджиса. Хотя нет... нет... Эта старуха не была тупой. Наоборот. Она была чертовски умна, ведь всякий раз протягивала свою костлявую руку тем, кого Реджис отпускал. Ей хватало секунд. Мгновения, чтобы забрать у них душу.

Смерть издевалась над Реджисом. Наказывала. Упибалась его страданиями. Так она забрала у Реджиса мать. Брата. И Эбель.

И сейчас она вернулась, чтобы забрать Барнс вновь.
— Ред-д-джис? — хлюпнул носом Бенни.

Реджис положил свою тяжелую ладонь ему на плечо и натянул на лицо улыбку.

— Ч-ч-что с тобой?

— Нарисуешь этот символ еще раз для меня? — Реджис знал, что Бенни ему не откажет.

А еще он знал, что Бенни будет больно вновь вспоминать окровавленное тело отца. Но спустя минуту вновь расплакавшийся Бенджамин протянул ему рисунок. Потом сел на кровать и забился в угол, давая понять, что и новому другу стоит оставить его в покое. И Реджис ушел. Стоя на кладбище под морозящим дождем, он развернул сложенный листок. Смерть, следовавшая за ним по пятам, остановилась рядом и, вонзив костлявую руку ему меж ребер, сжала сердце. Реджис закусил щеку и проглотил

смешавшуюся с кровью слюну. Сжал кулак и, рванув к дубу, ударил прямо по стволу. Кора затрещала. Труха посыпалась на землю.

Нет. Только не сейчас. Только не Эбель. Только не так же, как Тимо...

Он ударил еще раз. И еще. Сбитые костяшки зажгло. На саднящих пальцах выступила кровь. Но Реджис не чувствовал боли. У него перед глазами стоял сигил, который был на теле мертвого Датча Пирсона.

И... на теле мертвого Тимо Фобса.

Кажется, костлявая старуха громко завывала от радости и, потирая руки, готовилась забрать в ад свою новую жертву.

В этот раз Реджис помешает ей. Хрен ей, а не Эбель Барнс. Хрен ей, а не заколоченный гроб из орешника.

Тогда-то Реджис и начал свое расследование. Пусть он и не знал, чего искал, но он... искал. И это во всяком случае было лучше бездействия. Реджис был умен, поэтому быстро понял, что круг с шестиугольной звездой означает призыв. Но ему понадобились пара ночей и пара банок спрайта от Ноа, чтобы узнать в каракулях в центре рисунка буквы арамейского алфавита. Только вот это ему ничего не дало. Нырять в скрытые смыслы нужно было глубже.

Реджис ловил себя на том, что с каждым днем становился все одержимее. На прикроватной тумбочке росла стопка книг о забытых языках и сгилах, а мешки под глазами Реджиса становились темнее и темнее. Сейчас он был в схватке не только со смертью, которая покорно его ждала, но и со сном. Последнему, в отличие от костлявой старухи, он проигрывал. Приходилось жертвовать учебой. Прогуливать скучные пары и отсыпаться на подоконниках в пустых коридорах.

Одним утром Реджис, следуя заведенному порядку, прогуливал философию. Он направлялся в сторону

кабинета истории, куда остальные набились бы только к третьей паре — отличное место, чтобы отоспаться. Казалось, еще пара шагов, и Реджис окунется в сладостную негу сна, но из-за угла навстречу ему вынырнул напыщенный индюк в перчатках. Эрик Лайне. Ублюдок, подумал Реджис привычно. Впрочем, их чувства наверняка были взаимны.

— Прогуливаешь пары? — скривив лицо, прошипел Эрик.

Индюки шипели точно так же, когда видели перед собой опасность. И, зная это, Реджис чувствовал свое превосходство.

— А ты? — кинул Реджис в ответ.

От Эрика разило ладаном. Он явно был на утренней исповеди.

— А я иду к мисс Вуд — сообщить, что один из особо опасных нарушает правила академии. — Эрик сделал шаг вперед и толкнул Реджиса в плечо.

Реджис лишь улыбнулся. Индюшачьи игры не могли не забавлять его.

— Смеешься, Фобс? — Эрик наклонил голову, заглядывая сопернику в глаза.

— Слишком много вопросов, Лайне. — Реджис подошел к двери в кабинет истории. — Иди куда шел, — и, надавив на нее, со скрипом открыл.

Эрик понял, что проигрывает. У него не получалось разозлить Реджиса, а он явно хотел именно этого. Вызвать гнев, с которым особо опасный не смог бы справиться.

— Эй, — хватаясь за последнюю возможность, кинул Эрик, — как тебе новенькая? Собираюсь устроить ей сегодня незабываемый вечер.

Вот теперь он попал в цель. Последняя пуля, наполненная желчью, впилась Реджису между лопаток. Расправив их, он все-таки позволил злости завладеть его телом.

— Молчишь? — продолжал давить Эрик. — Значит, ничего не было? Ты мне сразу показался слюнтяем, — усмехнулся он. — Но ничего. Папочка покажет тебе, как правильно вести себя с девуш...

Он не успел договорить. Реджис схватил его за воротник и с силой толкнул в кабинет истории. Эрик, не желая уступать, кинулся на него в ответ и схватил за ворот косухи.

— Стоит мне снять перчатки, и ты труп, Фобс. — Он смаковал каждое слово, все ближе наклоняясь к Реджису.

— Я убью тебя раньше. — Реджис сжал в кулаке ворот его формы.

— Кто она? Кто такая эта Эбель Барнс, что стоит о ней заикнуться, как ты превращаешься в зверя? — Эрик попытался высвободиться из хватки Реджиса, но тот держался за его белую рубашку так же крепко, как Эрик — за косуху Реджа.

— Я с удовольствием бы прикончил тебя прямо в этом кабинете, Лайне. И поверь, Эбель тут ни при чем.

От злости сердце стучало в ушах. Слова Эрика становились все тише, хоть его лицо и отделяли считанные сантиметры. Реджис почувствовал, как рот наполняется кровью, искусанные щеки защипало, засадили вновь потрескавшиеся раны на кулаке.

— Так убей меня, — натянув притворно-горделивую улыбку, Лайне вскинул подбородок и, разжав руки, раскинул их. — Давай же.

Реджис получил разрешение. Точнее, его получила смерть, уже изголодавшаяся по новым мертвецам, по их холодным телам и остывающей крови. По пустым глазам и посиневшим губам. Где-то в коридоре раздался лязг ее косы, волочашейся по каменному полу.

— Что у вас здесь происходит? — Но до нее в кабинет, уже напившийся запахом скорой расправы, вошла Дебора Вуд. — Фобс, Лайне?

Она кинулась между ними и, отвесив обоим по подзатыльнику, вытолкала Реджиса в коридор.

— Живо ко мне в кабинет! — гаркнула она.

Интересно, почему виноватым остался Реджис? Потому что гаденыш в перчатках что-то знал? Хотел его подставить? Поэтому прикинулся невинным?

— Я сказала, живо! — еще громче скомандовала Вуд. — А ты, Лайне, сотри улыбку с лица.

Он и правда лыбился как придурок. Наверняка думал, что победил. Но смерть все еще была здесь. Стояла за углом и ждала, когда останется со своей добычей наедине.

— Я придумаю наказание вам двоим. — Дебора вцепилась в запястье Реджиса. — Не надейтесь, что вам сойдет это с рук. Этим утром вы нарушили слишком много правил. — Она кинула злобный взгляд на Лайне.

И, развернувшись на каблуках, Дебора потащила Реджиса по коридору.

— Слабак, — шепнул Лайне. — Ни хрена ты не можешь.

Реджис слышал его. Как и смерть, которая забрала Эрика в ад этим прекрасным осенним днем.

Реджис узнал об убийстве не потому, что костлявая старуха решила отчитаться перед ним или поблагодарить за сытный обед. Он узнал это из-за обеспокоенной толпы учеников, которых учителя разводили по комнатам. Из-за плачущей Ребекки. Из-за испуганного Йонни. И из-за Ноа, который позже всех пришел в спальное крыло.

Ноа был взбудоражен и явно думал не о смерти студента, а о чем-то другом, что не могло его не радовать. Позже к Ноа пришло и беспокойство, но глупых людей не стоит винить в заторможенной реакции.

Стоило мистеру Чампи покинуть спальный холл, как Реджис выскользнул следом. Если бы не подозрительная улыбка Ноа, то он и подумать бы не мог, что смерть

Эрика принесет хоть какую-то пользу. Эдвин что-то мутил с Соль и Эбель. Понятное дело, что, как и Реджис, они вели собственное расследование.

Поэтому, дождавшись, когда все поутихнет — учителя покинут кабинет истории, Дебора Вуд с Кэруэлом уйдут на кладбище, а в коридоре потушат свечи, — Реджис тихо пробрался к покойному Лайне. Его кровь лужей разлилась по деревянному полу и успела засохнуть некрасивым пятном. Тело накрыли пледом. Рядом с мертвым лежала главная улика — меч рыцаря, который теперь стоял в углу кабинета без своего оружия. Вокруг было много следов. Учителя явно не церемонились и ступали прямо по крови, размазывая ее еще сильнее.

Реджис прикрыл нос рукой. Вдыхать это зловоние было невозможно. Он не раз сталкивался с телами, которые испустили не только дух, но и нечистоты. И Лайне был в их числе. Он знатно обделался. Во всех смыслах этого слова.

Реджис опустился рядом и, откинув плед, посмотрел на грудь мертвеца. Опять сигил. Но уже с другой буквой в центре. Никаких Библий, как у мистера Пирсона. Никаких новых подсказок. Реджису этого было недостаточно. Он покинул кабинет, когда услышал эхо шагов приближающихся учителей.

Эрика унесли на кладбище и похоронили недалеко от дуба. Поставили на могиле крест, положили лесные цветы. Пока Дебора плакала, священник молился. Ноа прилип к окну, наблюдая за процессом, и Реджис быстро переписал цифры с листка на кровати соседа. Святые... Какой же Эдвин все-таки тупоголовый. Да и Реджис, подумавший, будто маньяк не оставил новых улик, тоже. Ноа светился от счастья не просто так — он нашел вещдок. И, владея такой ценной информацией (хотя вряд ли он в полной мере осознавал ее ценность), раскидывался ею направо и налево.

Ноа ушел из комнаты ночью. Наверняка отправился к девчонкам хвастаться своей находкой. А может, просто решил заняться тем, чем занимался обычно, — превращаться в других и соблазнять. Хорошо, что он не изменял себе. Только в эти золотые часы блаженной тишины Реджис мог проветрить комнату от приторного запаха духов и газировки и посидеть над новой загадкой, которая, кстати, оказалась крайне простой. Нужно быть дураком, чтобы не понять, что цифры на листе Эдвина были книжным шифром. А книгой оказалась Библия, наверняка еще и та самая, что была у мистера Пирсона.

«Мир духов даст тебе ответ. Ищи могилу 39 и ту, что не имеет мертвеца. За ними троица святая ждет тебя».

Понадобилась пара часов, чтобы сопоставить цифры и строки и получить ответ. И еще несколько минут, чтобы подремать на столе, прежде чем пойти на кладбище искать чертовы могилы. Натянув черный свитер и куртку, Реджис направился на свидание с мертвецами. Жаль, что до них он так и не дошел. С слопатами и фонарем в руках к мертвецам в гости пришли Ноа, Соль, Эбель и мистер Кэруэл. И пока первые двое занимались поистине важным делом — искали могилы, — двое других грелись в объятиях друг друга. Реджис наблюдал за Эбель и Джосайей из окна кабинета шифрологии. Смотрел не отрываясь, как учитель вытирает ей слезы. Как укутывает в свой пиджак и нежно гладит по волосам. А она поддается. Улыбается. Краснеет. Черт...

Почему на это так больно смотреть? Словно от сердца отрываются клапаны и аорта. Словно оно бьется из последних сил. Изможденное, как и сам Реджис. Он был таким же. Разорванным. Измученным. Потерянным. Эбель наверняка разделяла эти чувства. И сейчас черпала силы у того, кто казался ей ближе, чем Реджис. Но если бы она только знала, что Реджис был готов отдать все, буквально все, ради того, чтобы она не чувствовала себя одинокой.

В эту секунду он больше всего желал забрать ее тяжелую ношу, взвалить на свои плечи и нести всю оставшуюся жизнь, лишь бы Эбель стало легче. Реджис был готов разорвать себя на части, лишь бы спасти ее, помочь ей, как однажды она помогла ему.

Реджис откашлялся. Глотку изнутри рвал немой крик, и Эбель как будто слышала его. Она подняла глаза и посмотрела в окно. Вряд ли она увидела что-то, кроме его силуэта, спрятанного в спасительной темноте. Зато Реджис хорошо видел ее. Восходящее солнце подсвечивало ее плечи и макушку, очерчивало хрупкую фигуру. Будто защищало от тьмы, что сгустилась у могил. Реджис не сводил с Эбель глаз.

Он хотел, чтобы она узнала его. Надеялся, что поймет, что он рядом — был и всегда будет. Но Эбель отвернулась, оставив Реджиса в одиночестве.

Идти сейчас на кладбище было глупо, но еще глупее было бы упустить шанс понаблюдать за юными искателями могил.

Запомнив расположение всех надгробий, Реджис отправился на литургию. В исповедальне спал Ноа. В первом ряду, не отставая от своего обычно болтливого друга, клевала носом Эбель. Реджис сел рядом, невольно втянув носом аромат ее духов. Как же он скучал по запаху вишни. По голосу. По голубым глазам, которые теперь осуждающе смотрели на него. К горлу подкатил ком.

Раньше в глазах Эбель пылала любовь.

Эбель задремала у него на плече, стоило священнику затянуть молитву. Отец Робинс несколько раз косился в сторону Реджиса: бросал надменный взгляд и ждал, когда тот сложит руки у груди и преклонит голову перед Господом Богом.

Молчи, старый хрен. Делай вид, что не знаешь меня. Притворись, что видишь впервые.

Считав намек, отец Робинс принялся испепелять взглядом другую, засыпающую на задних рядах, скуру.

После литургии, минуя Дебору Вуд и священника, который ну очень хотел поговорить с новым особо опасным исключительным, Реджис выскользнул на задний двор и, шаркая по каменной дорожке, направился к кладбищу. Нужные могилы он нашел быстро: их выдавали следы на рыхлой земле. Можно было и не запоминать, сколько плит влево от дуба требуется отсчитать, чтобы найти правильное захоронение. Хорошо, что все эти следы обнаружил Реджис, а не кто-то другой. И повезло, что он не хотел, чтобы их рассекретили: пачкая ботинки, он приотптал грунт и скрыл все улики.

Первая могила принадлежала какому-то мужчине, умершему в тридцать девять лет. Она выглядела ухоженной по сравнению с теми, что стояли вокруг. И уж тем более по сравнению с той, что божьим чудом сохранилась на отшибе скурского кладбища. Деревянный крест покосился, потрескался и покрылся плесенью из-за частых дождей. Тут явно был погребен не человек, а сорняк, который рвался наружу. Надпись на кресте прочитывать невозможно. Ни имени, ни фамилии. Но зато была дата. До боли знакомая. Вырезанная в памяти, как эти цифры на дереве.

Твою мать...

Реджис опустил на корточки и соскреб пальцами мох. Сука... Нет.

О... еще как да. Еще как! Он отпрянул и, не удержав равновесия, повалился на землю. Сколько бы Реджис ни являлся сюда, сколько бы времени ни тратил на поиски, всякий раз он уходил ни с чем. Ну, разве что с чувством облегчения. Ведь если бы он все-таки нашел эту чертову могилу, то умер бы прямо на месте. Сгорел от стыда, от чувства вины. Захлебнулся бы извинениями, поперхнулся так

и не сказанными словами, вставшими поперек горла. Но могила нашла его сама.

Тимо Фобс нашел его сам.

И Реджис, испугавшись встречи с братом, вскочил и, как последний трус, сбежал. Опять.

Дни то тянулись, то летели со скоростью «Мустанга Буллита». Расследование Реджиса то набирало обороты, то со свистом тормозило. Кажется, убийства прекратились. Академия затихла. Черствая старуха смерть перестала кряхтеть над ухом. Время будто отмотало назад, туда, где было хорошо и спокойно. Реджис чувствовал, что все это неспроста, что скоро что-то случится. Тишина — всего лишь затишье перед бурей.

И кто бы мог подумать, что этой бурей окажется Ребекка Мартинс.

Ночь была тихой, ведь на соседней кровати не храпел Ноа Эдвин. Реджис мог бы предположить, что он сопит где-то в другой комнате (скорее всего, в женском крыле), но Ноа зачем-то посвятил друга в свои планы.

— Сегодня меня ждет настоящее веселье с близнецами Киоко! — прихорашиваясь перед зеркалом, объявил Ноа.

Реджис поморщился.

— Не, ты не подумай. — Ноа застегнул в ухе длинную сережку. — Мы идем в «Святую Троицу». Ну, в заброшенную капеллу.

— Ясно. — Реджис тяжело выдохнул.

Тяжело, потому что слушать это было... той еще задачей.

— Хотя все ты правильно понял, — хихикнул Ноа, подходя к двери. — Эта ночь будет незабываемой! — Напоследок Эдвин послал другу воздушный поцелуй.

Тут Ноа не ошибся. Эту ночь и правда Реджис не скоро забудет, как бы того ни хотел. Сидя на кровати, он

дочитывал сборник Сенеки, когда в дверь тихо постучали. Реджис кинул взгляд на часы. Без пяти два. Кто в такое время мог к нему прийти? Ноа не стучится, а больше вариантов и не было. Реджис притворился, будто ничего не услышал, и притих, надеясь, что незванный гость уйдет. Но в дверь постучали еще раз. Он все так же упрямо молчал и ждал. Гость, очевидно, принял это за приглашение войти.

— Ноа? — Дверь скрипнула, прозвучал женский голос.

Реджис сразу узнал его. Голос, который он хотел бы слышать в последнюю очередь, а лучше — не слышать и вовсе.

— Ребекка? — Реджис встал с кровати.

— Ой, ты тут один?

Она зашла в комнату и оглядела кровати, уже зная ответ на свой вопрос.

— Один. Сама же видишь, что никаких тупиц тут не наблюдается.

Ребекка выдавила из себя смешок и, затворив за спиной дверь, шагнула к Реджису. Ее тело прикрывала легкая розовая ночнушка. Настолько легкая, что не оставалось ни сантиметра для фантазий — все было видно и так. И Ребекка явно этого не стеснялась.

Реджис отвел взгляд.

— Ноа ушел. Вернется, скорее всего, утром.

Ребекка была не в его вкусе.

— Если честно, я пришла не к Ноа.

Очевидно, не к нему. И очевидно, Эдвин был замешан в том, что Ребекка впервые за все время зачем-то приперлась ночью в мужское крыло.

— Я занят. — Реджис поднял взгляд, чтобы выразить свое безразличие. — Мне не до разговоров.

— А я пришла не говорить. — Ребекка подняла руку и, пробежав пальцами по ключице, коснулась лямки ночнушки на плече. — Я вообще редко к кому прихожу. Только к тем, кто меня очень интересуется.

Она потянула за лямку, и шелковая ткань сорочки чуть соскользнула вниз, почти оголив правую грудь.

— Остановись. — Реджис отвернулся.

— А то что? — Пол под ногами Ребекки заскрипел, когда она шагнула к нему. — Или ты хочешь раздеть меня сам? — Ее ладонь опустилась на спину Реджиса.

Он почувствовал жар ее тела через футболку.

— Не позорься, умоляю.

От ее кокосового парфюма тошнило.

— Я люблю, когда меня умоляют.

Видимо, судьба не просто так этой ночью вложила в руки Реджиса томик философа-стоика. Сейчас он должен был сдать экзамен по пройденному материалу. Проявить стоицизм, мудрость и внутреннее спокойствие. Направить заблудшую душу на истинный путь... Ну или... послать ее куда подальше.

— Уходи, Ребекка. — Реджис стянул с кровати Ноа покрывало и накинул ей на плечи.

Ребекка выпучила глаза. Попыталась извернуться, дотронуться до Реджиса, погладить его, стянуть футболку, но у нее не было ни шанса.

Она не Эбель. Только той Реджис позволил бы себя коснуться.

— Ты спятил? — Ребекка упиралась ногами в пол, пока Реджис выталкивал ее из комнаты.

— Я же сказал, что я занят.

И он не соврал. Реджис был занят делами. Занят Эбель.

— Шутишь? — Ребекка остановилась и скинула покрывало. — Я пришла к тебе сама! Сама, понимаешь?

Реджис молча смотрел на нее.

— Не молчи! Скажи мне, что хочешь, чтобы я разделилась. Поцелуй и повали меня на свою чертову кровать.

— Уходи, — тяжело выдохнул Реджис и поднял с пола плед. — И не смей использовать свои способности.

Он знал, что ей нужно коснуться кожи, чтобы человек сиюсекундно загорелся желанием заполучить Ребекку здесь и сейчас.

— Я... — Ребекка растерянно опустила руки. — Да я убью тебя, Реджис Фобс!

— Буду рад, если все-таки получится. — Он опять накинул на нее плед, закрывая полуголое тело. — А пока, — открыв дверь, вытолкнул Ребекку в коридор, — проваливай.

— Ты охренел?

Дверь перед носом Ребекки захлопнулась.

Следующим утром Ребекку Мартинс нашли мертвой в кабинете мистера Кэруэла.

Кто-то мог счесть ее смерть за совпадение, но Реджис знал: Ребекка умерла, потому что бросила вызов смерти.

Она сказала Реджису, что убьет его. Да, это была шутка, но дьявол шуток не понимает. Смеяться над людьми привык Бог. Дьявол же привык над ними издеваться.

На самом деле Реджис был знаком с дьяволом не понаслышке. Дьявол был так близок к нему, что спокойно называл себя отцом Реджиса. И...

Мэром города Санди по совместительству.

Двуличным ублюдком, кстати, тоже. Уродом. Подонком. Ну или, если выразаться более изысканно, то циником и эгоистом.

Хотя Хозяя Хиггинс предпочитал, чтобы Реджис называл его папочкой.

— Зачем ты здесь, неблагодарная тварь?

И еще Хозяя Хиггинс предпочитал, чтобы его сын вел себя послушно. А если этого не происходило, то из любимого мальчика Реджис быстро превращался в неблагодарную тварь.

— Какого черта ты делаешь в этом соборе? — Хозяя ударил по столу кулаком — горшок с единственным в комнате проросшим цветком упал на пол и разбился.

Отец приехал в академию из-за странных убийств. И он явно не ожидал увидеть здесь Реджиса, которого все это время держал взаперти. Никто не знал, что у мэра Санди есть сыновья. Точнее, один сын.

— Как ты вообще сбежал? Там же столько охраны! Это место можно покинуть только мертвым!

Реджис стоял в центре кабинета и пялился на камин, мечтая достать из огня полено и как следует врезать им отцу по роже.

— Так злишься, что я покинул его живым?

Реджис сразу вспомнил Эбель. В отличие от него, она правил не нарушала, и ее вывез оттуда катафалк, а не вывели собственные ноги.

— Я злюсь... — Хозяин смел со стола стопку бумаг, — потому что ты здесь! А не там! Твое место там!

— Вернешь меня туда?

Реджис знал, что нет, ведь теперь у него в рукаве был козырь. Теперь он мог шантажировать отца. Он владел его грязными тайнами, а собор, под куполом которого жили скуры, любил секреты. Потому это место с радостью защищало нового исключительного.

— Нет, — тяжело выдохнул Хозяин. — Не верну. Не сейчас.

Он отодвинул кресло Деборы, сел в него и закрыл глаза, пытаясь успокоиться. Реджис со скукой наблюдал за этим цирком.

— Ты же мой сын. Я знаю, на что ты способен. И я знаю, чем ты будешь мне угрожать.

— Уверен, — Реджис сделал паузу, — папочка?

Хозяин кинул на него злобный взгляд. Как и Реджис, он не умел сдерживать гнев. В этом они были похожи.

— Послушай, сопляк, — сжав кулак, процедил отец. — Ты никогда не прыгнешь выше головы. Если думаешь, что ты умнее меня, отца Робинса и доктора Горганак, то ты ошибаешься.

— Я думаю, что тебе пора оставить идею...

— Нет! — гаркнул отец.

Он не дал Реджису договорить. Потому что не хотел слышать слов, которые причиняют ему боль.

— Ты жив только по моей и Горганак милости. Будь благодарен за это, сопляк!

— Я мертв, отец.

Хозяин опешил.

— Я умер вместе с мамой. И с братом.

Отец встал, сделал два больших шага к Реджису. Секунда — и щеку опалила жгучая боль.

— Закрой рот, шенок. Не смей вспоминать их.

Их имена были под запретом. Мысли о них — тем более.

— Скоро я заберу тебя обратно. Совсем скоро.

— Посмотрим, — криво улыбнулся Реджис, касаясь языком царапины на губе.

Он привык к пощечинам отца. И к боли, которую тот дарил ему вместо любви.

— Мистер Хиггинс, — дверь кабинета открылась, — есть новости.

Янсен зашел без стука. Он был одним из тех, кто знал о Хозии все. В том числе и о сыне, которого тот скрывал.

— Да, Чарльз. — Отцу было важнее выслушать отчет, чем договорить с Реджисом.

— Дело срочное.

Янсен покосился на Реджиса, намекая, что ему стоит оставить их наедине.

— Прочь с моих глаз, шенок! — Хозяин тоже дал это понять.

Ну и пожалуйста.

— До скорых встреч, — Реджис развернулся на пятках, — папочка, — и, быстро покинув кабинет, скрылся в безлюдном коридоре.

Стоило Реджису оказаться единственным сыном, как отец, убитый горем, взялся за его воспитание. За его лечение. Он хотел как лучше — наверняка думал, что поступает правильно. Все же родители желают своим детям только добра. Вот и Хозия желал сыну того же. Реджис так не считал.

Хозия Хиггинс запер сына в темной, пропахшей йодом комнате. Отдал в руки докторов в латексных перчатках. Оголил его кожу для игл и скальпелей. Вскрыл его вены, распилил ребра, чтобы вынуть сердце и душу. Грязную, дьявольскую душу. Исключительную. Хозия не лечил сына. Он его медленно убивал. Каждый день он приносил в жертву Сатане души скур. Каждый день молил его вернуть сына.

Забавно, но Хозия был хреновым не только отцом, но и мэром. Ведение переговоров явно не было его сильной стороной, ведь Сатана не поддавался ни молитвам, ни жертвам.

Однажды отец забрал и Эбель. И тогда жертву дьяволу принес сам Реджис.

Реджис сидел в библиотеке напротив спящей Эбель. Жевал мятную жвачку и вдыхал холодный аромат ночи и пыльных книг, глядя на ее бледное лицо. Она сильно похудела. Щеки впали, скулы стали острее. От нее все так же пахло ягодами. Ее пальцы, которые он гладил, были все такими же ледяными.

Реджис выискивал подвох в ее облике, все еще не веря, что Эбель жива. Он пытался убедить себя, что держит за руку ее, а не мертвеца, зомби или гребаного вампира. Почему дьявол вернул ее? Неужто она вынесла ему мозг? Неужто достала так, что тот, перекрестившись, вытолкнул ее из преисподней? Это было бы так похоже на Эбель. И она точно бы этим гордилась. И Реджис бы гордился.

Он перебирал ее пальцы, гладил линии вен на кисти, пока она умиротворенно спала. Реджис давно не видел ее

такой спокойной. Не слышал мерного сопения. Не помнил, когда последний раз она не вздрагивала ночью от каждого шороха. В академии она чувствовала себя безопаснее, чем в клетке в подвале. Реджис улыбнулся. А потом, осознав, как глупо это выглядит, улыбнулся еще шире. Если бы Эбель увидела, что он сидит тут перед ней и смотрит, как она спит, наверняка бы врезала ему. Он бы и не сопротивлялся, правда. Реджис заслужил все ее удары.

Этой ночью, судя по бардаку в библиотеке, Эбель Барнс строила из себя детектива и копалась в старых картах и газетах. Все еще вела свое расследование, искала убийцу. Зачем-то... Зачем-то нарывалась на неприятности.

Глупая... глупая Бель Барнс...

Реджис вздохнул. Она была слишком мила, и он не мог на нее злиться. Вместо этого он изучал то, что ей удалось найти.

На руке Эбель были написаны цифры с надгробий. Она переложила их в координаты, красным кругом обвела на карте собор, спрятанный в лесах Санди. Убийца оставил новую подсказку, которая указывала прямо на Академию — на Святую Троицу, что была скрыта в Библейском шифре. Спасибо Ноа, который часто упоминал о ней.

Реджис узнал достаточно, поэтому, покинув Эбель, направился напрямик в капеллу. Хотя тут он оказался быстрее этих троих. Ладно, можно считать, что детективов-любителей в академии было четверо, потому что мистер Кэруэл явно прикрывал задницы своих учеников и вел расследование вместе с ними. Зачем? В этом Реджис тоже хотел бы разобраться, но не сейчас.

Сейчас он стоял посреди заброшенной полустогоревшей капеллы. С витража на него смотрел распятый Иисус. И... и больше ничего. Реджис обыскал каждый угол. Залез в каждую щель. Ощупал каждый камень. Но ничего не нашел.

Как и Ноа, до которого только спустя неделю дошло, куда вели координаты. Реджис был терпелив: ждал, когда же они поймут, что делать дальше, где искать новые подсказки, потому что информации у них было гораздо больше, чем у Реджиса. Еще у них был криптограф, помнящий все на свете, — ходячая энциклопедия по имени Джосайя Кэрзуэл.

— Редж. — Ноа сидел на кровати и перебирал струны расстроенной гитары.

Расстроена она была, потому что на ней сто лет не играли и потому, что в руки ее взял не хороший музыкант, а Ноа Эдвин.

— Ты можешь помолчать хотя бы десять минут? — Реджис встряхнул тряпку, которой протирал пыль на своей половине комнаты.

До этого Ноа около часа рассказывал ему о Человеке-пауке. Реджис успел запутаться в именах: Тоби Магуайр, Эндрю Гарфилд, Том Холланд. Последний, по мнению Ноа, был лучшим Питером Паркером. Реджис был с этим не согласен. Но молчал. Не хотел подкидывать дров в пылящую печку, которую Ноа ласково называл ртом.

— Чува-а-ак, — протянул Ноа, — я молчу, только когда сплю.

— Я бы поспорил.

Эдвин храпел похлеще любой бензопилы. И бубнил всякие странные вещи.

— Вот видишь! — Ноа провел по струнам гитары, те неприятно взвизгнули. — Ты просишь меня сделать невозможное.

Реджис собрал разбросанные по подоконнику носки Ноа и, поморщившись, швырнул ему в лицо. Тот даже не обратил на это внимания. Наверное, представил, что в него летит конфетти, а не вонючие вещи.

— Так вот, Редж, — продолжил Ноа, — расскажи мне про Иисуса.

Реджис повернулся и посмотрел на него как на идиота.

— Про распятие и двух разбойников?

— Да ты зришь в око! — Ноа опять тренькнул на гитаре. — Как одноглазый циклон из лабиринта!

— Не циклон, а циклоп. И в лабиринте был Минотавр, кретин. Ты вообще в школе учился? — Реджис уже ничему не удивлялся.

— За ум в нашей семье отвечает Арни. А я за красоту, — подмигнул Ноа.

Реджис сделал вид, что понятия не имеет, почему это Ноа Эдвин интересуется библейскими отсылками.

— Зачем тебе знать про распятие?

— Да там для одного проекта надо. Кэруэл навалил заданий сверху. Не нравлюсь я ему, сам знаешь. — Ноа был первоклассным лгуном.

Но к его несчастью, Реджис уже давно привык не верить ни единому его слову.

— Так расскажешь? Ты выглядишь умным чуваком.

— Я и есть умный.

Вот так, после семи дней затишья, все они смогли бы вернуться к поискам.

Но убийца, чертов конспиролог, куда-то испарился аж на три недели.

В этом были и свои плюсы. Реджис наконец-то выдохнул, стал меньше беспокоиться об Эбель. Мигрень почти прошла. Сон почти вернулся.

Но стоило Хеллоуину постучать в двери собора, как все началось заново. Глупая шутка одного ученика стоила ему жизни. Смерть в этот раз была крайне злой и голодной. Она содрала с бедняги кожу и обезглавила. И вновь вырезала на теле сикгил. Старуха насытилась новой жертвой и, бросив останки воронам, отправилась на тихий час.

Тем утром Ноа спрашивал Реджиса, смог бы он убить человека или нет. А если да, то почему до сих пор не убил

его, тупого болтуна. Реджис вяло пошутил, что тупые болтуны бывают полезны, но, увидев в глазах Ноа неподдельный страх, сменил тему и поспешил покинуть комнату.

Теперь Реджис понял: они его подозревают. Он висит на волоске.

Рано или поздно этот день должен был настать. Реджис не был шпионом и плохо маскировался. Но он не оставлял следов, поэтому не знал, каким образом Соль, Ноа и Эбель приплели к убийствам его. Только если... Барнс что-то вспомнила.

Это Реджис намеревался выяснить сегодня вечером. Теперь ключ к разгадке новой тайны убийцы был у него, и без Реджиса эти трое — нет, четверо — не справятся.

Реджис хотел стать пятым участником игры и победить в ней. Берегись, убийца, ведь монетку теперь подбрасывает Реджис Фобс.

Эбель стояла в трапезной и смотрела на «Тайную вечерю». Она из раза в раз повторяла: «Среди двенадцати один предатель. Приди, взгляни ему в глаза. Плати монетой серебряной. Убьешь его? Иль он тебя?»

Иисус смотрел прямо на Эбель и ждал, когда же она догадается. Когда же заметит мешок серебреников в руках Иуды. Реджис не торопил, смиренно скрываясь во тьме. Знал, что она придет к ответу сама. В канделябре догорали свечи. Сквозняк раскачивал их под потолком, бросая на апостолов тени. Как бы Иуда, сидящий рядом с Магдалиной, ни пытался спрятать свое лицо, Эбель нашла его. Поняла, о чем говорил убийца в очередном шифре.

— «Убьешь его? Иль он тебя?» — дрожащими губами произнесла Эбель, наконец-то догадавшись, что в новой тайне скрывался Иуда.

Время пришло. Реджис шагнул в трапезную и, подставив лицо свету, предстал перед испуганным взором Эбель.

— Реджис? — выдохнула она.

Он не подходил. Держался на расстоянии.

— Это ты? — Эбель громко сглотнула. — Ты убийца?

— Я ждал тебя, Барнс, — ответил он просто.

И, достав из кармана серебряную монету, бросил ее под ноги Эбель.

ЭБЕЛЬ

Серебряная монета звонко ударилась об пол и, прокатившись по нему, врезалась в вансы Эбель.

— Отвечай на мой вопрос. — Эбель так и не посмотрела себе под ноги.

Ее интересовал лишь Реджис. А его интересовала она. Он ухмылялся и покачивал головой. Мерцающий огонек свечей то освещал его медово-зеленые глаза, то скрывал в тени вместе с тайной, которой он не собирался выдавать. Но Эбель раскусила Реджиса. Как чертов грецкий орех, достала из скорлупы. И как бы Реджис ни сопротивлялся, Эбель была готова идти до конца.

— Ты убийца? — Она сжала кулаки.

В трапезной пахло ладаном, медленно тающим в лампадке на одном из столов. И страхом, что источал Реджис. Кажется, он начал понимать, что сам загнал себя в ловушку.

— Твое молчание... — голос Эбель дрожал.

— Ты правда так считаешь? — перебил ее Реджис, и в его словах звучала обида. — Серьезно думаешь, что учеников убиваю я?

Или же... Или же страх источал вовсе не он. Эбель выдала себя, и теперь роль охотника принадлежала не ей. А тому, кто наставил дуло ружья прямо ей в голову и уже взвел курок.

— Да. — Эбель была уверена в ответе, но отчего-то она замешкалась. Стоило Реджису шагнуть ей навстречу, как она отвела взгляд.

Нет. Идти до конца Эбель оказалась не готова. Сердце отбивало дробь в ушах, а ладони вспотели, как только она поняла, что в трапезной, кроме нее и Реджиса, никого нет. И если этот придурак действительно окажется чертовым убийцей, то лишь Богу известно, что он сделает с той, кто его рассекретила.

— Или... — Реджис сделал еще один шаг, и запах его духов ударил в нос Эбель, — ты хочешь, чтобы я был убийцей?

Он остановился. Его тень уселась на ближайший стул, и теперь Эбель казалось, что в трапезной любопытных глаз стало больше, а воздуха меньше.

— Зачем ты пришел сюда? — Эбель отшатнулась и вжалась спиной в каменную стену.

Раз Реджис не отвечал ей, то и она не обязана.

— За тем же, за чем и ты, бунтарка.

— Не называй меня так. — Эбель расстегнула молнию на кофте, надеясь, что хоть так ей станет легче дышать.

Реджис жадно проследил за ее руками и с тем же голодом уставился на вздымающуюся грудь.

— Не смей думать об этом! — Эбель застегнула кофту.

— Об этом подумала ты. — Реджис, казалось, увидел страх в ее глазах и наконец отступил.

Он опустился на охраняемый тенью стул, закинул ногу на ногу. Реджис не собирался нападать на Эбель? Но легче от этого ей не стало.

— Я смотрел на твой кулон. — Реджис скользнул взглядом по шее Эбель. — Откуда он у тебя? Помнишь?

— Подумываешь продать на черном рынке после того, как прикончишь меня? Чтобы не оставлять улики?

— Так помнишь? — Реджис наклонился вперед.

В его голосе была надежда. Но на что?

— Мне его Бенни отдал. Сказал, что вытащил из гроба вместе со мной.

Реджис кивнул и вновь откинулся на спинку стула. Поднял голову и шумно сглотнул — кадык прокатился по шее. Эбель замерла, наблюдая за тем, как зверь готовился напасть на новую жертву.

Двери в трапезную были закрыты. За окнами глубокая ночь накрыла черным одеялом улицу. В Академии стояла тишина. И никто... никто не смог бы помочь Эбель. Как бы громко она ни кричала, Реджис успеет убить ее прежде, чем сюда ворвутся напуганные профессора.

— Перед тем как ты убьешь меня, — Эбель вздернула подбородок, — ответь мне...

Она должна быть хитрее. Хитрее того, кто через минуты вырежет на ее мертвом теле очередной сигил.

— А ты смешная, Барнс, — ухмыльнулся Реджис.

— Почему ты убил их? Зачем?

Эбель медленно двинулась вдоль стены. Она успела наметить путь отступления и уже представляла, как перевернет стол, чтобы создать преграду Реджису. Она не умрет этой ночью. Только не сейчас.

— Я никого не убивал.

— Что тебе сделал Датч Пирсон? А тот парень в Санди?

Эбель внимательно смотрела на Реджиса, а он наблюдал за ней. Теперь он совсем не улыбался.

Реджис резко встал, опрокинув стул. Эбель развернулась, готовая бежать, но врезалась в стол и ударилась об ножку. Внутренности обожгло — страх диким пламенем охватил все тело.

— Зачем ты это говоришь, Эбель?

Эбель ринулась вперед, прочь от голоса Реджиса, но он схватил ее за руку. Его пальцы впились в кожу Эбель и так крепко сжали вспотевшую ладонь, что та мгновенно занемела.

— Ты думаешь, что я убью тебя? — оскалился он.

У Эбель закружилась голова. То ли от его горячего дыхания, то ли от паники, которая накрыла с головой.

Она пыталась вывернуться и, шипя как змея, отталкивала Реджиса. Он оказался сильнее — прижал ее к стене, перегородив выход.

— Ты уже... — на выдохе произнесла она, — ты уже убил меня.

Хватка ослабла. Реджис опешил.

— Я знаю, что это был ты. — Эбель схватилась за грудь.

Будто так она могла остановить дико бьющееся сердце. Будто оно бы не выпрыгнуло прямо ей в руки.

Реджис снова громко сглотнул и спрятал дрожащие ладони в карманы кобури.

— Ты хочешь, чтобы я ответил тебе, — еле слышно сказал он. — Тогда ответь и ты.

Эбель выпрямилась и глубоко вздохнула.

— Ты хочешь, чтобы убийцей был я? — повторил он.

Такой тупой вопрос. Такой примитивный. Но сколько в голосе Реджиса было боли, злобы и... сожаления.

— Нет. — Эбель ответила честно. — Я бы... я бы не хотела, чтобы им был ты.

Она набралась смелости и взглянула ему прямо в глаза.

— Я не убивал их, Эбель. Никого из них.

Он тоже посмотрел ей в глаза. И страх отступил.

— Почему я должна тебе верить?

— Не должна, — горячее дыхание Реджиса обожгло лицо.

От него пахло мятой жвачкой, сладким медом и лесом. Наконец-то Эбель почувствовала что-то, кроме ладана.

— Тогда зачем ты пришел сюда?

Эбель заметила, как дернулся его кадык. Как заходили желваки на скулах. Как все его тело напряглось и за скрипела натянувшаяся на спине кожанка.

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

